

Жужжание усилилось. Лаосань широко раскрыл глаза и в слабом лунном свете увидел, как перед ним порхают комары, а несколько из них уже приземлились на его кожу.

Он начал размахивать руками, пытаясь отогнать их. Через несколько минут Лаосань почувствовал, как зудят руки, шея и лодыжки. Комары, видимо, давно не видели такого сочного живого человека, и теперь слетелись со всех сторон, почти окружив его.

Лаосань снял куртку и начал размахивать ею в воздухе, но это мало помогло. Он прихлопнул несколько комаров и увидел, что на руках осталась кровь. Он подумал, что это как в поговорке: «Убил тысячу врагов, но потерял восемьсот своих». В отчаянии он накинул куртку на голову и руки, решив, что сначала нужно хотя бы поспать.

Но под курткой было душно, и Лаосань, пробыв так несколько минут, начал задыхаться. Спать было невозможно. К тому же он почувствовал, как ужасно зудели лодыжки, вероятно, комары забрались ему в штанины.

Наконец, он не выдержал и сбросил куртку. Через мгновение комары снова собрались вокруг.

Лаосань, раздражённый до предела, вдруг осенило: комары ищут жертв по запаху, значит, нужно избавиться от запаха. Он огляделся и, решившись, подошёл к водопаду. За этот день он пережил немало потрясений, устал от беготни, плохо поужинал, а укусы комаров невыносимо зудели. Теперь его мозг был так же мутен, как и окружающая тьма.

Он глубоко вдохнул и прыгнул в воду!

Ледяная вода водопада мгновенно поглотила его. Водопад был глубоким, и, что странно, в воде было не так темно, как снаружи. Вода была тёмно-зелёной, и свет играл вокруг. Лаосань с усилием открыл глаза и, подняв голову, сквозь колышущуюся воду увидел луну.

Лунный свет, словно в хрустале, заставил его внезапно вспомнить фразу «отражение цветов в зеркале, луна в воде», и он замер. Другие видят отражение луны в воде, а он сквозь воду видел настоящую, живую луну.

Через некоторое время он почувствовал, что начинает задыхаться, но не хотел выходить из воды. Последние пузырьки воздуха вырвались из его носа и рта, неся с собой зелёные блики... Грудь начала болеть, и он, наконец, не выдержал, взмахнул руками и ногами, вынырнув на поверхность.

Он глубоко вдохнул, и его окружили звуки леса: пение насекомых и лягушек. Так шумно... и так тихо.

Ум Лаосаня успокоился.

Снова взглянув на луну, он почувствовал себя наполненным и умиротворённым. То, чего он искал, было, возможно, всего лишь отражением в воде? Удастся ли ему это, кто знает. Единственное, что он сейчас видел, — это лунный свет, падающий на листья, на воду... и, конечно, на его лицо.

Беспокойство и раздражение последних дней постепенно улеглись.

На следующее утро А-Да разбудил Лаосаня, свернувшегося в кресле.

Лаосань сонно открыл глаза, несколько секунд смотрел на А-Да, а затем резко сел. Ему

потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он находится, и он, глядя на А-Да, спросил:

— Я опоздал?

А-Да не ответил, а просто протянул руку и коснулся подбородка Лаосаня. Тот сразу отстранился и нахмурился:

— Не трогай меня!

А-Да не знал, смеяться или удивляться:

— Ты спал здесь всю ночь?

Лаосань только сейчас почувствовал, что всё тело зудит. Он взглянул вниз и увидел, что руки покрыты красными шишками. Он испугался и спросил А-Да:

— И на лице тоже...

А-Да поспешно схватил его за руку:

— Не трогай, может воспалиться.

Он взял Лаосаня за подбородок, осмотрел его и, увидев, что на его красивом лице появились крупные и мелкие шишки, почувствовал жалость, но в то же время ему стало смешно.

Лаосань оттолкнул его руку:

— Не смейся, что делать, ужасно чешется.

— Я принесу мазь.

А-Да принёс банку с фиолетовой мазью, которая пахла остро и немного травянисто. Он набрал мазь на палец и аккуратно нанёс её на лицо Лаосаня. Мазь была очень жгучей, кожа сразу же начала гореть, но зуд прекратился мгновенно. Лаосань, несмотря на дискомфорт от прикосновений А-Да, был готов снова прыгнуть в водопад, лишь бы избавиться от зуда.

А-Да предупредил:

— В эти дни идёт дождь, комары очень ядовитые. Если у тебя поднимется температура, заболит голова или почувствуешь недомогание, сходи в клинику.

Лаосань пренебрежительно фыркнул:

— Что может случиться от укусов комаров?

А-Да серьёзно посмотрел на него:

— Можно умереть.

Лаосань замер. А-Да встал и приказал:

— Раздевайся, я намажу тебя.

Лаосань сразу же схватился за грудь:

— Не подходи.

А-Да удивился:

— Тебя не кусали?

Тело Лаосаня тоже ужасно зудело, не только руки и лодыжки, но и спина, ягодицы и бёдра, словно под кожей ползали мелкие насекомые. Несмотря на это, он сказал:

— Я сам справлюсь, спасибо.

А-Да не стал настаивать и протянул ему большую банку с мазью.

— После того как намажешься, заходи завтракать. Уже почти шесть, если не начнём работать, скоро будет очень жарко.

Лаосань взял в руки пахучую мазь, чувствуя, что не только всё тело зудит, но и суставы ломит, вероятно, из-за того, что он спал мокрым, и влага проникла в них. Одежда пахла сыростью, и Лаосань чувствовал, будто на нём вырос мох, и он готов был содрать с себя кожу.

Он посмотрел на тёмно-синее небо и с отчаянием подумал, что самое худшее — это то, что день только начался, и он даже не знает, что его ждёт впереди.

А это был всего лишь первый день его работы в лесу.

Лаосань переоделся и заодно разбудил Ли Шинаня, пнув его.

На столе были тосты и яйца всмятку. А-Да сварил кофе и налил его в металлические кружки. Лаосань совсем не хотел есть, сделал глоток кофе и сморщился.

— У тебя нет кофе получше?

А-Да добродушно улыбнулся:

— Если невкусно, добавь сахара.

Лаосань увидел, что А-Да варил кофе очень просто: без кофеварки, просто насыпал кофе в фильтр и залил горячей водой, получив целый чайник чёрного кофе. А-Да добавил в свою кружку две ложки сахара, и Лаосань скривился — как же так, ведь он шеф-повар с тремя звёздами Мишлен, нельзя ли быть чуть более изысканным?

Хлеб тоже был купленным нарезанным тостом, масло лежало в пластиковой коробке, и по сравнению с европейским маслом аромат был гораздо слабее.

Ли Шинань всё ещё был в полусонном состоянии и почти ничего не ел, покусывая ложку.

А-Да, видя это, подумал, что эти двое, вероятно, не продержатся и дня. Эх, нужно искать работников. Он встал и объявил:

— Закончили? Шинань, убери со стола, Лаосань, пойдём со мной!

— Эх, — оба без энтузиазма ответили.

А-Да и Лаосань отправились на поле рядом с фруктовыми деревьями. Лаосань, увидев, что

вокруг растут сорняки, спросил:

— Что мы будем делать?

А-Да наклонился, вырвал две травинки и понюхал их:

— Собирать овощи.

Лаосань огляделся:

— Где здесь овощи?

А-Да вырвал тонкую веточку с красными ягодами размером с чернику.

— Это Sweet Berry, попробуй.

Лаосань с отвращением отвёл лицо. А-Да сорвал ягоды и поднёс ко рту Лаосаня:

— Откуси, не бойся.

Лаосань, не имея выбора, и услышав в названии слово «сладкий», подумал, что, наверное, они не будут такими уж противными. Он положил ягоду в рот, пожевал и сразу же выплюнул — она была в десять раз горче утреннего кофе.

А-Да задумчиво сказал:

— Это растение должно расти на островах Тихого океана, почему оно здесь? Возможно, его завезли вместе с импортными папайями и ананасами. Сколько оно здесь растёт, неизвестно, может, мутировало...

Лаосань чуть не вырвал язык:

— Чёрт, оно ядовитое?

— Лаосань, если у тебя вдруг поднимется температура, заболит голова или почувствуешь недомогание...

Лаосань с отчаянием закончил:

— Пойти в клинику, да?

А-Да улыбнулся:

— Просто скажи мне, я запишу.

— Чёрт возьми! — выругался Лаосань.

А-Да положил ягоду в рот, тщательно разжевал, а затем сорвал небольшой лист и тоже попробовал.

— Очень горько, — сказал он, продолжая собирать ягоды.

Он попросил Лаосаня принести плетёную корзину, лежащую под деревом, и положил туда собранные растения.

— Это листья батата, — он, видимо, решил, что Лаосань точно не разберётся, и терпеливо объяснил:

— Слишком толстые стебли пойдут на корм свиньям, а эти листья можно жарить.

А-Да выдернул батат, потёр его большими ладонями, немного очистив от земли.

<http://bllate.org/book/16329/1473798>